

Рисунки автора

БЕССМЕРТНОЙ РОССИИ ОСНОВА

КОГДА ИДЁТ РОССИЯ НА УСТУПКИ...

Когда идёт Россия на уступки,
Ей череп разбивают молотком —
На деньги стран, желающих разрубки
России, не съедобной целиком.
Смолотить зерно судьбы и стать мукою,
Утратить путь божественный зерна?!
Тогда весь мир оставит нас в покое
И вся православная шпана.
Не дай смолотить им нашу силу воли
И сделать корм из наших отрубей,
Не дай, судьба, очнуться нам в помеле!..
И ты, Поэтка, вкусной быть не смей.

Народ прекрасен тем,
что сильно вам не нравится,
Что ездит с ним в метро —
для вас моральный крах.
Вы — не красавец там,
а также не красавица,
Аплдисментов нет,
а есть еульгарный страх,
Что ваш успех — ничто,
народу он до фенки,
Вы просто пассажир, каких страна полна,
И надо впредь иметь такую славу, деньги,
Чтоб от народа быть,
как от земли — луна.

Воспитывать народ — идея ваша гадкая,
Указывать ему, как жить и умереть,
Какая быть должна не горькая, а сладкая
Улыбка у него при встрече с вами впредь.
Народ переживёт любую власть, учителя,
Народ переживёт любые времена.
Воспитывать народ?..
Господь — его Учитель,
Особенно когда звереет сатана.

Народ прекрасен тем,
что вами не отравится,
От санкций не умрёт, он — скиф и азиат,

И он не виноват, что это вам не нравится
И ненависть к нему отправит вас, как яд.

Другой народ просить у Господа не надо:
Получите в обмен жестокою судьбу,
Когда другой народ, что слаще шоколада,
Культурно вас пошлёт в Освенцима трубу.

Полиции Украины никого не убивали
А бандеровцы сражались
за свободу, трали-вали.
Их в ГУЛАГ отправил Сталин,
а Хрущёв освободил.
Украина — не Россия,
а Россия — крокодил.

Полиции Украины и бандеровцы её —
Это воины, герои, как фашизма гитлерьё,
Что сражались за свободу.
Жуткий Сталин, а Россия —
сталинградский крокодил.

Бабий яр, Освенцим —
это за свободу шла война,
За свободу от Советов,
чья ужасная страна
Победила, потому что
Сталин там руководил,
И страна его сражалась
как советский крокодил!

Все другие точки зренья —
это русский агитпроп.
А Россию грохнет Запад
и законит русских в гроб.
Потому что Бог в России
щедро недра располдил.
Недра хочет хряпнуть Запад,
а Россия — крокодил.

Эти недра без России, эти недра без неё
Поиметь мечтает Запад,
как фашизма гитлерьё,

Чьи войска сегодня Запад
для победы возродил.
Для победы над Россией,
а Россия — крокодил.

Крым фашистам не сдаётся,
не сдаётся им Донбасс,
Не сдаётся им Россия,
запрещённая как раз.
Запад, родина фашизма,
жить России запретил.
А Россия не согласна,
потому что — крокодил.

"Мчатся тучи. Выются тучи"
"Бесы" Пушкина. Хорей —
Ритм, который не наскутит.
В этом ритме — дух бодрей.
Энергетика хорей
Истребляет порчу, салаз.
Вот хорейская частушка,
Очень русская, про нас:

Крематорий проверяли.
Беспризорного сжиали.
Дверь открыли — он танцует
И кричит: "Закройте, дуем!"

Всё будет хорошо —
и даже то, что плохо.
Унынья грех тяжёл,
стирает в порошок
Унынья суета, унынья суматоха,
Унынья гланиец, блеск,
нахальство и страхок.

Всё будет хорошо —
и даже то, что плохо.
Не унывай, душа,
сиянье и тепло,
Теорца живая кроха,
Всё будет хорошо —
и даже то, что пло!..

Всё будет хорошо —
и даже то, что плохо.
Не слушай никогда унылое трепло.
Оно удавку вьёт для выдоха и вдоха.
Всё будет хорошо —
и даже то, что пло!..

Вам хочется лирики чистой?
Лирика — в том аду,
Где мчатся за мной фашисты
В сорок первом году.

Чистая лирика — пламя:
Поезд горит... Меня
Лирика чистой знамя
Вынесло из огня,

Выбросило на воздух,
Спасая, как всех детей, —
Лирика — небо в звёздах
И перелом костей!

Госпиталь был военный,
мне — сотни тысяч лет,
Лезла игла за веной,
Лирика — соль из глаз.

Звёздная соль в небосконе,
Плавал в лампаде огонь.
Величие было в иконе
Величиной с ладонь.

Шли поезда за окнами,
В воспитале стонали,
Шла седина волокнами —
Это война, каналья!

Парни стонали, воины,
Лирика — стон, молитва.
Стон и молитва встроены
В лирику, валубь, эде битва.

Водки давали много —
Вместо анестезии.
Госпиталь верит в Бога
На всех языках России.

Откуда лампады пламя?
Откуда ладонь иконки?
Луна — как лампада в храме,
Иконка — у медсестрёнки.

Там не было власти выше,
Чем знойная хирургия.
Лампада сияла в нише,
Где силы небес благие!

Гноем там пахло, йодом,
Ранами, спиртом, болью,
Господом, небосводом, —
К жизни стонать любовью!

Лирика хочется вам
Чистой?.. Но в чистой силе
Лирика — этот храм
На всех языках России.

Я — странный человек,
люблю свою страну,
Особенно люблю в трагическое время,
Когда со всех сторон хулят её одну
И травят клеветой —
в эпохоти гареме.

Эпохоть такова, что подлое враньё
Имеет все права над нами издеваться,

СТРАНА МОЕЙ ЛЮБВИ

Я — странный человек,
люблю свою страну,
Особенно люблю в трагическое время,
Когда со всех сторон хулят её одну
И травят клеветой —
в эпохоти гареме.

Эпохоть такова, что подлое враньё
Имеет все права над нами издеваться,

Бросать в костёр дрова,
но я не сдам её —
Страну моей любви!..
И ей не дам сдаваться!

Я — странный человек, в любые времена
Люблю свою страну,
и это — внутривенно,
И не взирая на... когда моя страна
Меня за невраньё не любит откровенно!

Эпохоть такова, что подлое враньё
Имеет все права над нами издеваться,
Но чудом я жива, и я не сдам её —
Страну моей любви!..
И ей не дам сдаваться!

Я — странный человек,
мне — сотни тысяч лет,
Где Вечное теперь и вечные повторы.
Люблю свою страну, и мрак её, и свет.
Особенно люблю —
под лай фашистской своры!

Я хрупкой становлюсь, как Тевги, —
Всё меньше плоть, и тем священнее
Теорца дышанье в каждом миге,
Где так прозрачно воплощение

Моей великой благодарности
За Божий дар — за смыслы Жизни,
Когда голубкой хрупкой тварности
Дышу в робкой, земной Отчизне,

На языке родном, на русском,
Космическом, слагая песни
Благодаря таким нагрузкам,
Что сердце каменное треснет.

А сердце веры — крепче камня,
И облада силой духа,
Я знаю всеми облаками:
Развоплощение — не разруха,

Во мне — бессмертная душа.
Господь — один для всех кровей.
И плоть хрупкою шурша,
За всё я благодарна ей.

Север с югом и запад с востоком,
Всенародно в России сплотятся, —
Только так!.. В этом смысле высоком
Только так мы выходим на связь
С исторической силой, которая
Только так, а иначе — никак,
Всей России сплочённой Истории,
Где Россия не рухнет во мрак, —
Только так не сожрёт её враг
Никакой людоедской войной.
Никогда, никакими войскам!
Всенародно единой страной —
Только так! — побеждает веками,
Всенародно Россия сплотится,
Только так мы выходим на связь
С исторической силой Победы, —
Только так всенародная сила
Побеждает великие беды, —
Только так россияне, Россия
Исторически непобедимы!

Только так — необятных два слова,
Повторяю их снова и снова,
В них — священные смыслы, которые
Исторически необходимы:
Всенародность Российской Истории,
Север с югом и запад с востоком,
Всенародно в России сплотятся, —
Только так!.. В этом смысле высоком
Только так мы выходим на связь,
Где России победной сияние,
Все народы её — россияне,
Только так! —
необятных два слова,
В них — бессмертной России основа.

Юнна МОРИЦ

"Всё то же: те же ломберные столы..."
Лев Толстой "Война и мир"

ЛОМБЕРНЫЕ СТОЛЫ, а также столики для чайных сервизов-дежене, шкафчики-бюро, а к ним — часы, подвесники, веер, чашки, бисерная вышивка — всё это представлено в экспозиции "Древесные узоры", проходящей в дворцово-парковом ансамбле Кусково. Это не первый проект, посвящённый быту ушедших веков. Так, зимой были показаны комоды, в частности, предмет из меблировки Марии-Антуанетты, волею судеб очутившийся когда-то в Москве, а сегодняшний разговор обращён к технике маркетри.

Маркетри — это разновидность инкрустации; нанесение на поверхность тончайших кусочков шпона

постной стеной на берегу реки. Далее видны церкви, башни, дома. Сопроводительные таблички гласят, что характерный приём Васильева — размещать оформление в центре столешницы, оставляя края незаполненными. Создаётся впечатление, будто картина в раме помещена на гладко фанерованный стол. Этот объект ценен ещё и тем, что самобытен. Как правило, источниками сюжетов для панно служили гравюры французских художников-орнаменталистов, издававших сборники стандартных композиций: букетов, музыкальных инструментов и атрибутов искусств, ленточных гирлянд, фруктов. Впрочем, любое изображение, пусть и банально-цветочное, имело свою загадку или зашифрованную мысль, иной раз даже и масонскую. Поэтому все эти столешницы — со смыслом.

Сервиз "дежене" на одну персону получил имя "соли-тер" или "эгоист", а на две персоны — "тет-а-тет". В пьесе Александра Шаховского "Не люблю — не слушаю, а лгать не мешай!" читаем: "— Ах досадно мне, что удовольствия я вам не мог доставить для ваших имен, — ведь, к счастью, дежене выдумал дворецкий мой отправить... — Какое дежене? — Фарфора ще-польского, с гербами вашими, а цветом козлико". Ах да, соплико! — это мажорный оттенок красного, весьма вызывающий и смелый. Такая посуда, вероятно, произвела фурор.

На выставке мы наблюдаем не только столы, сработанные в русских мастерских, но и сам сервиз-дежене, привезённый из Германии (1770-е гг.) Чайный сервиз, украшенный гирляндами стиля рококо, и это как раз "соли-тер", ибо состоит из одинокой чашки, к

лось бедным и тусклым в своей нарочитой лапидарности, тогда как молодёжь истово отрицала красоту причудливых выноток, связанных со "старым режимом" и пыльными париками.

Экспозицию дополняют предметы быта, например, веер-плие 1790-х годов, также воскрешающий в памяти эру сентиментализма: городская панорама, минимум цветности и какая-то затаённая печаль. Что такое веер-плие? Веера, при всём их внешнем разнообразии, делятся на три основных типа: pliant (перевой), brisé ("голые") пластинки, соединённые ленточкой и plié — наиболее ходовой и знакомый всем вариант состоит из веерного станка: пластин и плисированного экрана с тематической иллюстрацией или цветочным узором.

На каждой выставке всегда (исключения редки!) имеется некая вещица, которая диссонировала с общей концепцией. Здесь такую роль играют вышитые бисером помочи для панталон, датированные 1840-ми годами. Безусловно, вещь неинтересная, а у историка моды Александра Васильева была на ту тему лекция — вышитые подтяжки составляли гордость их владельцев, но к столикам маркетри XVIII — начала XIX столетия они почти интимные предметы мужской экипировки относятся более чем отдалённо. Не менее диковинно смотрится бисер-

СТОЛИКИ СО СМЫСЛОМ

Выставка «Древесные узоры» в Кусково

для формирования декоративных орнаментов. Здесь требуется любовь! Помните, в 1950-х было такое увлечение у подростков — вышивалине лобзиком? И хотя до инкрустаций и маркетри в пионерлагерях дело не доходило, но представление о ремесле все получили. Но вернёмся в Галантный век, он же — эпоха Просвещения.

Искусствоведческие словари утверждают, что сходная техника известна чуть ли не со времён античного Рима, но родоначальником маркетри в его теперешнем понимании был красноречивщик Андре-Шарль Буль, поставщик двора Людовика-Солнце. Мсье Буль — такая же легенда, как и его покровитель. Валерий Брюсов писал уже в XX веке: "Наших предков табакерки! / Позабей я их могу ль, / Как шкапы, как шифоньерки, / Как диваны стили Буль!" Конечно, Буль творил в рамках королевского Grand Manière — смеси классицизма и барокко, но в обиходной практике подобная мебель (и её имитации) назывались "стилем Буль".

На выставке в Кусково нет произведений того славного мастера (к слову, в XIX веке настрогали массу подделок под знаковые вещи Буля, особенно для Америки, и лишь сравнительно недавно была сделана честная атрибуция), так вот в Кусково нет вещей "стиля Буль", но можно увидеть творения русских мастеров или же тех немцев, что работали в России.

Осмотр начинается страничками из "Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремёсел" — главной книги Просвещения, к которой приложили руку все крупные учёные Франции. "Энциклопедию" обычно вспоминают в связи с циклом статей о правах-свободах человека и с дерзкими попытками объяснить жизнь на Земле при помощи биологии, но сей труд был обширен, и рассматривать его как "преддверие Французской революции" — это свести блестящую эпоху к мечтам о бесконечной борьбе. Мы видим гравюры, посвящённые производству мебели маркетри, и виды столиков, бюро и комодов.

Но перейдём непосредственно к экспонатам! Вот небольшие рабочие столики со столешницей в форме бобового зерна. В России их ласково называли "бобики". Они стали модными в середине XVIII столетия, когда царил рококо, не терпевшее прямых углов, а линия бобового зёрнышка прекрасно вписывалась в капризную эстетику рокайлей. Показательно, что столы-бобики пережили маркизу де Помпадур и в ходу по сию пору, отлично дополняя классическую обстановку. Мебельный дизайн, если вдуматься, гораздо консервативнее архитектуры, живописи, одежды и музыки.

Столик-бобик (1780-е гг.), созданный в Санкт-Петербурге в мастерской Никитора Васильева поражает своим узором (а "бобики" частенько бывали с презанятными сюжетами на столешницах): тут явлена панорама неизвестного русского города с кре-

Второй стол-бобик (1770-е—1780-е гг.), тоже созданный в столице, не менее эффектен — наборный рисунок изображает пасторальную сценку. Нарядная пара стоит под яблоней, считающейся древом любви и женской силы. Кавалер дарит своей избраннице букет цветов, а в галантном столетии буквально каждое растение имело свою символическую наполненность и означало или страсть, или нежность, или расставание, или ещё какие-нибудь томления души. Увы, распознать, что за цветы подносит мужчина, не представляется возможным, зато слева показана роза без шипов, что говорит о характере одариваемой девушки; атрибуция не менее увлекательна. Столик взят из коллекции усадьбы Останкино — некогда он находился возле репетиционной комнаты актрис. Кураторы выставки предложили, что эта композиция, как и сам столик, — любовное послание Николая Шереметева к Прасковье Ковалёвой-Жемчужовой.

Помимо игр амурных, господ занимали игры на деньги. Вот ломберный столик с зелёным сукном для карточных сражений (последняя четверть XVIII века). За такими столами резались не только в ломбер, но и в макао, фараон и преферанс, а провинциальные баре и в подкидного дурака не брезговали сыграть, однако название дал именно ломбер, получивший распространение при Екатерине II. Вся русская литература перенасыщена карточными интригами, победами и фатальными проигрышами.

"Любил налево и направо / Он в зимний вечер прометнуть, / Четвёртый куш перечеркнуть, / Рутёркой потирнуть со славой, / И талью скверную порой / Запить цимлянского струей", — вещал Михаил Лермонтов со знанием дела. Понятие "зелёное сукно" в перелопате, мемуарах, повестях означало карточный угар. (Хотя не только! В "Анне Карениной" Левин пишет признание в любви на ломберном столике тем мелом, каким игроки вели счёт).

Ломберные столы бывали и без сукна, и вот очаровательный экземпляр (1780-е—1790-е гг.). Исследователи связывают этот ломберный столик с кругом известного петербургского мастера Христиана Мейера, работавшего по заказам Императорского двора и владевшего крупной петербургской мастерской в последней четверти XVIII века.

Рядом — крохотные столики овальной или круглой формы для чайного сервиза-дежене (Déjeuner — завтрак). В XVIII веке лёгкий завтрак, состоявший из чая-кофе: с сахаром и/или с молоком и скромной закуской, — сделается этаким аристократическим модоном, предполагающим утончённость натуры и заботу о своём здоровье. Несмотря на французское название, родина таких завтраков — Англия, где леди и джентльмены за утренним напитком познакомились с новостями из многочисленных газет. В России такого количества прессы тогда не водилось, и "дежене" сопровождилось или чтением книги, или созерцанием природы из окна.

Столик-бобик. Санкт-Петербург, 1770-1780-е годы. Фрагмент

которой прилагаются молочник, тарелка, сахарница и заварочный чайник.

Эволюцию рисунков, использовавшихся при оформлении посуды, можно проследить, увидев тарелочки из австрийского сервиза конца XVIII — начала XIX века с характерными для того периода "сентиментальными" сценами: домиком, развалинами средневекового замка, одиноко стоящими деревьями и силуэтами путников. Для старшего поколения, привыкшего к суетно-манерному рококо, такое оформление каза-

ная вышивка второй половины XIX века. Или это для того, чтобы показать, чем (в целом!) жил "человек из раннего времени", как сказал персонаж "Золотого телёнка", — правда, по иному поводу? В целом же выставка ломберных и дежене-столиков производит хорошее впечатление и напоминает о временах, когда бытие шло неспешно, а каждый столик был уникальным произведением.

Галина ИВАНКИНА

КУРБАТОВ

Очарованный странник

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ВАЛЕНТИН Яковлевич Курбатов (29 сентября 1939 — 6 марта 2021) во всех энциклопедиях и справочниках значится как литературный критик, литературовед, прозаик. И действительно: во всех этих сферах творческой деятельности он отметил себя бесспорными достижениями — особенно в критике. Да и сам себя Валентин Яковлевич — чем дальше, тем больше — отождествлял критиком. Часто говорят, что критиком занимаются, в критике идут несостоявшиеся, неудачливые писатели, но в данном случае это категорически не так: Курбатов пришёл в русскую литературу и культуру как полностью состоявшийся, "удачливый" её читатель. А жанр, в котором он даже не работал, но жил, бытийствовал, точнее всего было бы определить как "собеседник" (в потчевском смысле: "Его призывали всеобщие, как собеседника, на пир..."). Его стихией было живое общение, в том числе порой записываемое в виде дневников, писем, статей, предисловий к книгам и собраниям сочинений... Но всех своих собеседников, включая классиков прошлого, Валентин Яковлевич — и это, на мой взгляд, стоит признать, пожалуй, главным и особенным его качеством — воспринимал как современников, причём действительно "всеобщих".

В этом отношении весьма показательно сделанное им однажды, уже в "лихие девяностые", признание: "На любую бы (аудиторию. — В.В.) вышел. Даже на ту, что на молодежных праздниках. Пяную, орущую, дикую. Меня бы, наверное, там убили, но минуты две бы послушали... Я успел бы сильно им не понравиться. Я сказал бы им, как они прекрасны, когда сами с собой, по отдельности. Как они прекрасны наедине с возлюбленной. И как они омерзительны, когда их много. Человек же прекрасен, Бог создал его прекрасным. И как же надо не любить себя, чтобы забыть..." Вот "забыть себя" как человека, русского человека, собеседник-Курбатов никому и не давал. Если обратиться к данному Валентином Яковлевым определению нашей литературы как "общего сердца" России, то сам он был не просто частью этого сердца, но "водителем ритма", причём "плотью от плоти", а не каким-то искусственным, действующим извне кардиостимулятором.

Впрочем, проявился и обозначился это далеко не сразу, через огромный и целенаправленную работу — прежде всего над собой. "До семи лет жизнь в землянке — бывшем погребке", оставленном семье "раскулаченного" деда для жилья (дома фискалов) в повожском селе Старый Салаван, сразу после войны — переезд на южный Урал, в город Чусовую. Там Валя Курбатов закончил школу, где всерьёз увлёкся литературой и театральным искусством, два года проработал стюардом, в 1959 году поступал во ВГИК, на актёрский факультет, на курс Сергея Герасимова и Тамары Макаровой, но перед третьим туром забрал документы и был призван на срочную службу, которую проходил на крейсере "Александр Невский" (и здесь "рука свыше"?!) Северного флота: матросом-радиотелеграфистом, типографом, библиотекарем корабельной библиотеки. "О полёте Гагарина я услышал как раз в типографии — радио включено было. Бросил верстатку, буквы разлетелись свинцовым дождём, в восторге вылетел на палубу, а там уж все, что свободен от вахты. Хотелось куда-то бежать, лететь, да куда поблещишь — море вокруг, корабль шёл на Новую Землю. Незабываемое ощущение праздника, счастья. Может быть, одно из самых сильных за всю мою жизнь", — вспоминал он впоследствии. А на упомянутой здесь Новой Земле всего через полгода с небольшим была возвращена советская термоядерная "царь-бомба"...

Настоять вот знаковые вехи обнаруживаются на вроде бы стихийном пути Валентина Яковлевича Курбатова в космос русской культуры и к энергиям русского Слова. А ещё одной вехой и, возможно, главной, стал Псков, куда сразу после демобилизации в 1964 году он попал по дороге во Львов из-за четырёхчасовой остановки поезда, да так и остался на всю жизнь. При этих древних храмах и святыхнях, при Кресте и Печерском монастыре, при Пушкинороще, без которых... Впрочем, никаких "без" тут не было и быть не могло: иначе оказался бы невозможным, не состоялся бы сам феномен Курбатова в его цельности и полноте. В прощальном слове к Валентину Яковлевику Александр Проханов назвал его "последним из той великопленной плеяды творцов, которые в шестидесятых годах превратили Псков в духовную столицу России, в своеобразный русский Афон... Семён Гейченко и Савва Ямщиков, Олег Творогов и Юрий Селивёрстов, Борис Скобелевич и Всеволод Смирнов, Пётр Оссовский и Григорий Гроздилов, Иоанн Крестьянкин и Николай Гурьянов, — все они тоже были частью феномена Курбатова, — как и Валентин Распутин, и Юрий Нагибин, и Валентин Берестов, и Анастасия Цветаева, и Виктор Астафьев, и Василий Шукшин, и Пушкин, и Гоголь, и Лев Толстой, и Достоевский, и множество других творцов нашей общей культуры. Поэтому не от себя, а от имени русской культуры, русской литературы говорил Курбатов после победы Евромайда, так любимого отечественными "либералами", которые тогда на радостях заявили устами Невзорова", что русская литература — "продукт, у которого явно закончился срок годности", а потому "зачем её портить?" "Не у неё, литературы, "срок годности" истёк, а у нас, у нашего духовного устройства. Когда же мы, правда, перестали слушать своих писателей, совесть свою, с какой поры отнесли их слово к "литературе"?.. Что это, как не "расчистка пространства" для нового забвения, для новых "украин"?.. Великую литературу становится страшно перечитывать. Она вся — укор в глупоте и слепоте. Её вечная симулированность уже не доблесть, а только доказательство нашей духовной уклончивости..."

И мы не только верим — мы видим, что этот курбатовский призыв сделать прямыми стези Господу своему не остался гласом вопиющего в пустыне.

Владимир ВИННИКОВ

* Физическое лицо, признанное в РФ иностранным агентом.